

УДК 94 (470)

С.И. Никонова – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и культурологии

Казанский государственный архитектурно-строительный университет (КазГАСУ)

ИНАКОМЫСЛИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (1965-1985 гг.)

АННОТАЦИЯ

Инакомыслие имело в СССР значительное распространение и было гораздо более весомым, чем диссидентство. Это достаточно широкий круг граждан, не довольных отдельными явлениями духовной и политической жизни общества. Диссиденты – узкий круг лиц, выразивших открытый протест, несогласие с советской действительностью, советским строем, советской политической системой.

S.I. Nikonova – candidate of history sciences, associate professor, head of the History and Cultural Science department

Kazan State University of Architecture and Engineering (KSUAE)

«IN ANOTHER WAY THINKING» AS A PHENOMENON OF SPIRITUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY OF 1965-1985

ABSTRACT

«In another way thinking» was widely spread in the USSR and it was more significant than “dissident way”. “In another way thinking people” was a rather wide circle of the citizens, dissatisfied in certain phenomena of spiritual and political life of a society. The dissidents were a narrow circle of persons openly protesting against existing soviet reality, soviet regime, soviet political system.

Последние десятилетия советской власти характеризовались не только появлением и обострением экономических и социально-политических противоречий. В советском обществе появилось немногочисленное, но заметное общественное явление, которое получило название “диссидентство”. Диссидентство трудно укладывается в привычное представление об общественных движениях: необычно по своему содержанию, формам проявления, масштабам влияния на общественное сознание, на настроение социума. Диссидентство представляло собой организационно неформальное, политически неоднородное движение открытого идейно-нравственного протеста передового слоя советской интеллигенции против советской системы. Этот протест, гласный, открытый или латентный, пассивный, охватывал, по сути, многие формы общественной и духовной жизни страны, сыграл особую роль в морально-психологической подготовке общества к осознанию необходимости демократических преобразований.

Термин «диссидент», который можно рассматривать как несогласный, противоречащий, появился изначально в значении религиозном. Диссидентами называли раскольников, отступающих от догматов господствующей церкви. В переносном

значении диссидент означает инакомыслящий, отступник.

Именно в этом значении понятие диссидент появилось в социально-политическом лексиконе советского общества в 1970-е годы. К диссидентам относили людей, не согласных с генеральной линией ЦК КПСС, политикой Советского государства, официальной партийно-государственной идеологией, с общепринятой в советском обществе моралью, эстетическими нормами в сфере художественного творчества и т.п. Причем непринятие даже отдельных норм существующих порядков было признано диссидентством. Синонимами понятия «диссидент» были понятия «инакомыслящий», «свободомыслящий». Сами известные диссиденты по-разному относились к этому определению, возможно, потому, что в советских средствах массовой пропаганды он звучал, как правило, в значении «отщепенец», «предатель Родины» и почти «враг народа».

Так, А.Д.Сахаров никогда не называл себя диссидентом, предпочитая старое русское слово «вольномыслящий». Известные правозащитники Л. Богораз и С. Ковалев усматривают в слове «диссидент» определенный негативный оттенок, поскольку этим термином пользовались властные структуры. Вместе с тем писатель-эмигрант А. Амальрик

назвал свои автобиографические заметки «Записки диссидента».

Определенный интерес представляет мнение П.Вайля и А.Гениса: «То явление, которое позже назвали диссидентским, возникло незаметно. Собственно, когда его участники получили это иностранное имя, все и кончилось... У диссидентства нет истории в традиционном смысле: нет основателей, теоретиков, даты учредительного съезда, манифеста. Невозможно даже определить (особенно на ранних этапах) – кто был участником движения протеста...» [1].

В массе своей советские люди и не знали, кто такие диссиденты. Ловко подобранное иностранное слово создавало впечатление связанности лиц, которых так называют, с чем-то враждебным: с происками западных спецслужб, с НАТО и ЦРУ, с чем-то угрожающим советскому строю. В массовом сознании диссиденты отождествлялись с отдельными личностями и их судьбами. Их оценивали сугубо субъективно, тогда как оценку личности лишь условно можно перенести на явление, как и оценку явления надо весьма осторожно распространять на личность.

По нашему мнению, необходимо все же разделять эти два понятия: диссиденты и инакомыслящие. Действительно, филологически они почти идентичны, но политический смысл у них разный.

Так, инакомыслящие – это довольно широкий круг советских людей, в целом, остающихся верными своей стране и ее государственному строю, критически мыслящие личности, жаждущие творческой свободы художники, не довольные какими-то отдельными явлениями в духовной или материальной сфере. Диссиденты – сознательные противники ВСЕЙ политической и идеологической системы, проявляющие свой протест открыто, как внутри страны, так и за ее пределами. Собственно, диссидентов в СССР было сравнительно мало, и известны они были широкому кругу людей, прежде всего, «благодаря» западным масс-медиа, а также в результате разоблачений в советских средствах массовой информации.

Говоря о терминах, не надо забывать, что главное не в том, как назвать людей, стремящихся быть свободными в несвободном обществе, а понять мотивы их поступков, а через них – настроение в обществе, его духовное состояние.

Вопреки распространенному мнению, даже в самые суровые годы политических репрессий в тоталитарном советском государстве не было всеобщего и беспрекословного подчинения идеологической системе; существовала неофициальная общественная мысль и люди – носители другого мировоззрения. Атмосфера общества и настроения в нем содержали два пласта: сверху – здравницы в честь вождей, массовые митинги в поддержку или в знак протеста, а глубоко внизу –

несогласие с идеологическими догмами, основанная на здравом смысле критика существующего режима, недовольство условиями жизни, работы, творчества.

Большое влияние на рост свободомыслия в стране оказали процессы, происходившие в 1953-1964 гг. В дальнейшем постепенное свертывание немногих демократических достижений, взятие курса на реабилитацию сталинизма, попрание прав человека в стране вызвало идеологическое сопротивление новой популяции советских людей, которые не желали больше жить в страхе. В среде интеллигенции появились одиночки, которые мужественно противостояли режиму, шли на открытые акции протеста.

Увеличение числа случаев сопротивления режиму в 1965-1985 гг.: акций протеста, обращений к общественному мнению не только в стране, но и за рубежом, свидетельствует об обострении внутренних противоречий, а также об изменении самого общества, его социальной структуры, пропорций и, как следствие, настроений и атмосферы.

В условиях, когда изменяется облик социума, увеличивается доля образованного, а не просто грамотного населения, общество начинает испытывать информационный голод. В это же время советские люди уже могли получать информацию о реальной жизни за рубежом. Причем, это не обязательно «вражеские голоса», но и разрешенные цензурой иностранные фильмы и книги, культурные мероприятия, проходившие в нашей стране и за рубежом, заграничные командировки, гастроли, туристические поездки.

Некоторые исследователи считают, что появление диссидентства – порождение эпохи научно-технической революции. «Историография диссидентского движения в СССР ежегодно получает определенное научное приращение. Но при этом, как правило, из виду упускается тот факт, что диссидентство – это в первую очередь феномен вполне конкретной научно-технической культуры советского общества, достигшего определенной ступени технологической и интеллектуальной зрелости», [2] – пишет А.Б. Безбородов, выделяя как отдельное явление академическое диссидентство в СССР. Это мнение связано, скорее всего, с тем, что так называемые закрытые города, академические институты пользовались славой либеральной (или квазилиберальной) вольницы. Именно там проходили концерты опальных бардов, поэтов, творческие вечера с оттенком вольнодумства.

Однако с подобной дифференциацией трудно согласиться. Ведь диссиденты появлялись и в других социальных слоях: художественная интеллигенция, студенчество, инженеры и служащие, военные, рабочие. Скорее, это проявление душевных порывов, идеалистических взглядов, личностных качеств того или иного человека.

Известны многочисленные факты проявления

инакомыслия среди разных общественных слоев, выражавших свое несогласие в разных формах. Так, ленинградский переводчик-востоковед Э.Лалаянц в конце 1960-х гг. писал анонимные письма в различные инстанции, включая международные, подписывая их «Руководящий центр Российской политической партии». Анонимщик был вычислен и осужден по 190-1 статье УК (приговор – 3 года лишения свободы). Тогда же в Ленинграде был привлечен к уголовной ответственности сменный мастер Автоковского строительного комбината М.Можайкин, посылавший «угрожающие письма в адрес различных советских общественных организаций от имени рабочих Кировского завода».

В 1970 г. в Кемерово были осуждены по 70-й статье УК РСФСР рабочий В.Векшин и пенсионерка П.Сабурова. Векшин подбросил листовку собственного сочинения в курилку шахты «Южная», при обыске у него были изъяты «Энциклопедический словарь» и комплект журнала «Техника молодежи» с многочисленными пометками на полях. Сабурова написала и распространила десятки писем, «порочащих советский строй», перемежая их религиозными фразами.

В Пензе осужден «антисоветчик» А.Лакалов, вина которого в том, что он посылал под псевдонимом А.Карпов письма на радиостанцию «Свобода». Под этим же псевдонимом пытался принять участие в дискуссии на политическую тему в «Комсомольской правде».

В Мордовии на конференции в университете, посвященной 100-летию со дня рождения В.И.Ленина, неким преподавателем высказывались «политически нездоровые» суждения о КПСС, ее роли и значении в строительстве коммунистического общества.

Руководитель подразделения завода «Электровыпрямитель» (г.Саранск) во время демонстрации рассказывал анекдоты, дискредитирующие одного из руководителей советского государства, порочащие герб СССР.

Лаборантка приборостроительного завода (г. Саранск) «допускала высказывания, дискредитирующие советский строй. С негативных позиций рассматривала уровень жизни советских людей, реакцию советского правительства на происходящие в ЧССР события». Один из инженеров ВНИИСа, находясь в служебной командировке в Москве, посетил посольство капиталистической страны с просьбой разрешить туда выезд [3].

В Ярославской области диссидентство проявлялось так же, как и в других провинциях России, в основном, в виде анонимных угроз в письмах в высокие инстанции, руководителям партии и страны, актах вандализма. Так, один из анонимов писал в «Комсомольскую правду»: «Долой советский фашизм! Да здравствует многопартийный социализм! Да здравствует свободный выбор социалистического

строя!». В ходе следствия аноним был выявлен. Выяснилось, что он на протяжении 1969-1974 гг. направил в адреса различных учреждений Москвы, Ленинграда, Ярославля и других городов страны свыше 40 писем подобного содержания.

В своей книге С.Чертопруд приводит следующую статистику: в 1977 г. получено 16 125 документов и установлено авторство 2088 человек. В 1985 гг. аналогичные показатели составили 9864 и 1376, соответственно. Чекисты выявляли анонимов практически всегда, для этой работы был создан специальный отдел в 5 Управлении КГБ: удавалось выявить от 60 до 90% анонимных авторов. Из них до 50% подвергались профилактике, а остальных отправляли в лагерь или на принудительное лечение в психбольницы [4].

Широко были распространены неосознанные или полусознанные формы недовольства. Связано это было, в первую очередь, с явным расхождением между официальной пропагандой и реальностями жизни, иногда с бытовыми трудностями. К таким неосознанным формам недовольства можно отнести и народный фольклор (частушки, анекдоты), и распространявшиеся слухи, и прослушивание западных радиоголосов, чтение «запрещенной» литературы, посещение некоторых культурных мероприятий (полуофициальные выставки или спектакли, концерты самодельных авторов или рок-музыки).

Вышеперечисленные «акты протеста» не дают основания полагать, что в Советском Союзе было массовое движение оппозиции. Посещавшие полуподпольные концерты и выставки, читающие Солженицына, слушающие радиоголоса граждане были в подавляющем большинстве вполне законопослушны, многие не считали, что они совершают что-то противозаконное.

Сами диссиденты подтверждают, что их сообщество начиналось с дружеских кампаний, домашних кружков, круг общения довольно ограниченный. Р.Орлова пишет о первых обществах в конце 1950-х гг.: «Люди тянулись друг к другу. Образовывались как бы клетки новой общественной структуры. Впервые возникало настоящее общественное мнение. Новорожденное общественное мнение вырывалось из кружков, из кулуаров в более многочисленные аудитории» [5].

Своеобразным катализатором протестных проявлений в обществе, открытого политического диссидентства являются чехословацкие события 1968 года. К этому ряду можно отнести акцию на Красной площади, протест юной Валерии Новодворской и другие протестные проявления как в Москве, так и в других городах.

В дни чехословацких событий проявил себя Р.И. Илялов – собственный корреспондент «Учительской газеты» в Татарии. Он неплохо разбирался в международных отношениях и увидел в чехословацких событиях, прежде всего, нарушение

международных норм. Свою гражданскую позицию Р.И. Илялов ясно выразил в письмах, направленных в газеты «Руде право» и «Юманите». Понимая, что по официальным каналам эти письма не дойдут, он решил передать их через французского журналиста, оказавшегося осведомителем КГБ. Письма попали в соответствующие органы, их автор исключен из партии, на его журналистской карьере поставлен крест [6].

Весьма трудно определить ту границу, которая отделяет несогласного и диссидента, т.е. борца, сознательно идущего на жертвы и лишения. Личный выбор каждого человека: соглашаться или не соглашаться, делать шаг от неконформиста к диссиденту или остаться на прежних позициях.

К диссидентам можно отнести и романтиков – одиночек, которые не могли жить во лжи. В этом смысле в России первыми диссидентами были А.Н. Радищев, Н.И. Новиков, П.Я. Чаадаев, которым не давала спокойно существовать российская действительность. Весьма созвучна этим настроениям позиция некоторых «несогласных» с советской действительностью.

Так, А.А. Болонкин, ученый, доктор технических наук, в 1973 году подготовил в нескольких экземплярах свою статью «К итогам выполнения 8-го пятилетнего плана развития народного хозяйства», в которой подводил собственные итоги, весьма негативно характеризующие развитие народного хозяйства страны. Причину негативных явлений ученый видел в отсутствии в стране демократических свобод. А.А. Болонкин был осужден, и, говоря о мотивах своего поступка, отвечал: «Лишь в одном испытывал растущий, гнетущий дискомфорт, одного не мог добиться – внутреннего согласия души». И еще один романтик – В.Беликов, школьный учитель словесности. Он писал повести и рассказы, привлекал к этому своих учеников, пытался учить их думать, размышлять, анализировать. В.Беликов был арестован и осужден, его обвиняли в том, что он «распространял среди учеников свои порочащие советский строй описи».

Интересна судьба Анатолия Марченко, которого диссиденты относят к политическим заключенным. В своей автобиографической книге [7] он подробно пишет о той цепочке событий, которая привела его в стан правозащитников. Осужденный повторно за побег в лагере А. Марченко познакомился со многими диссидентами, которые и завершили его политическое образование. Человек, остро чувствующий несправедливость, А. Марченко стал активным правозащитником.

А.Н. Яковлев так характеризует диссидентов: «На одном полюсе – творцы, мыслители, художники. На другом – местные правдоборцы, чудаки, часто просто неуживчивые, «конфликтные» люди. Такие есть в каждом коллективе, каждой деревне или поселке и уж, конечно, в городах... В зависимости от того, насколько жестко с ними обращаются в кругах официальных,

такой человек вызывает к себе сочувствие, и сожаление, а иногда и неприязнь окружающих... Из этих различных жизненных представлений и составляется в общественном сознании образ диссидентов – людей, отмеченных способностями и знаниями, нравственностью и гражданской активностью. Людей, которым действительно было, что сказать согражданам, но как раз по этой причине они и преследовались» [8].

Широко распространено заблуждение, что политика преследований была направлена только против свободомыслящей части писателей, художников, ученых, художников, творческой интеллигенции. Государственные и партийные органы придерживались генеральной линии на подавление любой формы инакомыслия, в том числе и религиозной.

В стране отношение к диссидентам было очень сложное. Общество доверяло официальной пропаганде и сообщениям в прессе, в которых диссиденты представлялись «отщепенцами», «агентами ЦРУ», антисоветчиками. Распространено было мнение о душевных заболеваниях диссидентов, особенно после включения психиатрии в арсенал средств подавления инакомыслия в стране.

Многообразие мыслей, идеалов, целей людей, считающихся диссидентами, является предметом изучения современных исследователей, которые, опираясь на доступные материалы, пытаются составить достоверную картину диссидентства в стране. Несмотря на усилия ученых, нечеткими остаются многие стороны этого явления. Довольно трудно разобраться, что же представляло собой диссидентское движение (если можно его назвать движением), тем более, невозможно было это сделать в советский период. На общество обрушился поток информации о различных деяниях диссидентов, в котором трудно было различить правду и ложь, идеологические «агитки» от фактов действительного предательства и аморального поведения отдельных людей.

Серьезной проблемой диссидентства стал поиск «точки опоры», базисной основы. В чем смысл деятельности, во имя чего все мытарства и трагедии инакомыслящих? Народ, по мнению диссидентов, не в состоянии понять, а тем более разделить и поддержать идеи диссидентов. Власть занимает по отношению к инакомыслящим резкую и бескомпромиссную позицию. Таким образом, реальную поддержку и понимание они чувствовали только с Запада, ощущая себя частью интернационального демократического движения.

В стране борьба диссидентов имела в основном характер моральной борьбы за достоинство человеческой личности. Однако участие в борьбе требовало особых качеств, присутствующих не у всех, осознание этого создало у диссидентов веру в некое их превосходство над остальной частью советского

населения. Диссиденты дифференцировали себя от среднего советского человека, противопоставляя себя не только представителям власти, но и большинству советских людей.

Таким образом, деятельность активных диссидентов имеет определенный оттенок жертвенности, самопожертвования, что отражается и в понимании ими состояния добровольной и вынужденной своей изоляции во враждебной, по сути, среде.

Интересны в этой связи документы о пребывании диссидентов в местах лишения свободы; в отчетах офицеров ИТУ акцентируется внимание на отличительные качества этих заключенных в сравнении с остальным «контингентом». «Это были исключительно сложные, противоречивые, трудные в психологическом плане люди... Здесь находились преподаватели вузов, писатели, поэты, художники, журналисты, музыканты, военнослужащие, рабочие и др. Подавляющее большинство антисоветчиков имело высшее и незаконченное высшее образование, некоторые владели иностранными языками. И, тем не менее, в зоне они продолжали постоянно заниматься самообразованием, выписывали различную литературу, газеты, журналы» [9].

Своеобразный аристократизм, а вернее, элитаризм диссидентов не давал им самим возможности расширять свои ряды за счет привлечения представителей разных слоев населения. Настроенность на изоляцию становилась одной из важных черт, формирующих структуру диссидентского движения.

Инакомыслие (в широком смысле слова) имело в стране значительное распространение и было гораздо более весомым, чем диссидентство. К этому ряду можно отнести и неформальные организации неполитического характера, неординарно мыслящих

творческих людей, массовые движения культурного направления, представителей элитарной культуры.

В широком значении к числу инакомыслящих можно отнести довольно большой круг думающих неординарно людей, что, несомненно, выходит за рамки немногочисленного движения диссидентов, которое весьма осторожно можно отождествить с политической оппозицией.

Однако нельзя не признать, что появление в общественно-политической и культурной жизни страны диссидентства стало питательной средой для зарождения правозащитного, национальных и религиозных движений, весьма разных по своим целям и задачам, которых объединяло несогласие с партийной и государственной политикой.

Литература

1. Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. – М., 1998. – С. 176.
2. Безбородов А.Б. Феномен академического диссидентства в СССР. – М.: Изд-во Рос. гос. гуман. ун-та, 1998. – С. 6.
3. ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 7. Д. 696. Л. 47-48.
4. Чернопруд С. Юрий Андропов. Тайны председателя КГБ. – М., 2006. – С. 220.
5. Орлова Р., Копелев П. Мы жили в Москве 1956-1980. – М., 1997. – С. 20.
6. ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.35. Д.199. Л. 1-7.
7. Марченко А. Показания Анатолия Марченко. – М.: Весть ВИМО, 1993. – 270 с.
8. Яковлев А.Н. Горькая чаша: Большевик и Реформация России. – Ярославль: Верх.- Волж. кн. изд-во, 1994. – С. 177.
9. От ВЧК до ФСБ. История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия. – Саранск, 2003. – С. 329.